

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

М. А. Арапова

ДИСКУРС ИДЕОЛОГИЧНОСТИ, ИЛИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Нет, наверное, ни одной сферы в определении предметного поля социологического анализа, которая была бы так парадоксально представлена огромным количеством работ и одновременно так мало исследована, как идеологическая сфера. Само сочетание понятий «социология идеологии» представляется сегодня многим социологам достаточно тавтологичным, странным, вызывает ассоциации заостенелости, догматизма, партийно-политической замшелости доперестроечного периода. Вместе с тем все больше становится работ, связанных с обоснованием необходимости формулирования национальной, государственной, глобальной идеи. Наблюдается ситуация, когда в отсутствие результатов специального серьезного социально-философского анализа идеологической сферы за дело берутся доктора технических наук, уважаемые в среде кораблестроителей, электротехников и т. д. (*Перишц Р.* Анатомия ментальности: Человек и общество. СПб., 2003; *Ацюковский В. А.* Основы коммунистической идеологии и современность. М., 2004; *Перуанский С.* Государственная идеология России XXI века. М., 2006; и др.) – непрофессионалы в обществоведении, почитающие производство инструментальных оснований идеологизирования своим долгом, делом чести и выражением гражданской позиции.

Знаковость этой ситуации двойственна. Во-первых, факт резкого увеличения интереса к идеологическому позволяет понять: российское общество находится на очередном переходном этапе – от деидеологизации к реидеологизации, суть и механизм которого давно описаны в социологии. Во-вторых, этот же факт позволяет оценивать данную ситуацию категориями социальной рискологии, прогнозировать зависимость степени этих рисков от уровня социально-философской некомпетентности,

вульгарного позитивизма и упрощенчества в понимании закономерностей идеологических процессов общества, умноженного на гигантский потенциал активности в деле социального конструирования.

Актуальность проблемы социологического изучения идеологических процессов очевидна. Необходим теоретико-методологический, рационально-логический анализ аксиологических концептов, идей, продуцируемых, активно производимых и селекционируемых в данный исторический момент развития российского общества и приобретающих форму потенциального основания для формирования господствующей идеологии. Какая бы она ни была по форме – государственная, национальная, глобальная, корпоративная и т. д., она все равно формируется. Признание объективного характера идеологии в условиях реидеологизационных процессов заставляет нас понять совершенно простую логическую очевидность: идеология господствующего типа формируется объективно, то есть независимо от того, знаем мы об этом, или не знаем, хотим или не хотим влиять или контролировать этот процесс. Так уж лучше знать.

Совершенно очевидной становится и потребность в накоплении эмпирических данных об объективирующихся в реальном социальном взаимодействии идеологических формах, в фиксации фактов, идеологичных по своей сути, в их серьезной интерпретации.

Особую значимость в данном аспекте приобретает проблема идеологической социализации. Сущностная характеристика молодежи – ее маргинальность, переходность, по П. Сорокину – состояние, когда социальность находится в стадии «уже не... но и еще не...». Специфика современной молодежи, определяющая эту проблемность, – множественная степень маргинальности. Переходный возрастной в социально-физиологическом плане, профессиональный, статусный периоды индивидуально-личностного развития накладываются на переходные муки общества в целом, никак не осознающего, откуда, как и куда «грядеши». Выявление идентификационных кодов именно этой социальной общности может позволить зафиксировать ведущие (становящиеся господствующими?) идеологические тенденции.

Вместе с тем было бы несправедливо заявлять об отсутствии интереса профессиональных социологов к обозначенному предмету. Прежде всего, анализ идеологических процессов осуществляется в рамках политической социологии, однако представляется несколько суженным, зачастую сводимым к хрестоматийному описанию классических политических идеологий. Интересны новые подходы в исследовании идеологического поля, идеологии как важной составляющей общества, складывающиеся в рамках социологии культуры. Появилась заявка и на выделение такой специфической области социологического знания, как социология идеологии. Особенности формирующейся социологии идеологии – дискуссионность, своеобразный методологический поиск, определение исследовательских оснований. Часть их связана с ростом популярности постмодернистских социологических парадигм. Видимо, именно этим можно объяснить резкий всплеск интереса к идеологичности, присутствующего фоном, осуществляющегося заодно с собственно исследуемым предметом: глобализм, масс-медиа, идентичность,

ментальность, молодежные субкультуры и т. д. Все чаще и чаще встречается замена привычных терминов с прилагательным «идеологический» концептом «дискурс». Думается, есть необходимость обсудить эти тенденции.

Введение в теорию идеологии темы дискурса позволяет, прежде всего, зафиксировать очень важную, сущностную особенность идеологии, породившую массовые дискуссии об иллюзорности, субъективности и т. д., – отсутствие специальных, отделенных от чего-то другого, ее онтологических форм. Не имея собственного своего «тела», «предмета», чистых форм своего бытия, она, «блуждающая» (сравним *discursus* от *лат. discere* – «блуждать»), всегда внедряется в другие социальные образования, чтобы, существуя «заодно», осуществлять свои функции. Она имманентна, включена, встроена во что-то уже существующее само по себе, до нее и не для нее созданное и определяемое доминирующим типом социокультурной традиции. Так, средневековые теологические тексты, художественные полотна, архитектурные сооружения, правила этикета, современные торговые центры являют собой вместе с прямой своей сущностью сущность иную, раскрывающую иной, целерациональный – по Веберу – смысл. Именно эта имманентность и определяет релевантность действий индивида интересам определенной социальной группы, государства, и т. д., задает соответствие содержания ожидаемых действий индивида характеру этих интересов.

Идеология имманентна и в случае ради нее созданного чего-то другого. К примеру, принцип соцреализма, определявший в 1930-е годы тип советской поэзии, или принцип гармоничной телесности эстетики Возрождения очень жестко диктовал и определял через свойство релевантности художественные формы и образы. Так, поэзия В. В. Маяковского стала блестящим поэтическим образцом речевой, вербальной коммуникации. Потребительский тип современной идеологии породил специфический вид искусства – рекламы со всеми характерными для дискурса идеологичности требованиями не только к вербальной, но и к визуальной, виртуальной коммуникации.

Дискурс идеологичности позволяет осуществлять поиски истинного смысла, предзаданности соответствия неких явлений четко определяемым целям субъекта деятельности не только в рамках речевых коммуникаций, но и практически во всех типах коммуникативных практик.

Именно дискурс идеологичности делает абсолютно очевидным, понятным действительный смысл предназначения президентской речи, любого рекламного ролика, величественного офиса или PR-акции дарения игрушек детскому дому во время предвыборной кампании, позволяет осуществлять рационально-логическую операцию кодирования и декодирования этого имманентного смысла.

Особым исследовательским содержанием в рамках дискурса наполняется проблема анализа форм, механизма идеологического насилия, осуществляющегося в процессе навязывания субъектом своих интересов. Спектр этих форм очень разнообразен: от прямого политического давления, массовых тренингов продаж до изощренных технологий манипулирования сознанием и методик подавления личности, тем более эффективных, чем более незаметно воздействующих.

Исследование дискурса идеологичности позволяет фиксировать процесс внедрения определенной целерациональности в индивидуально-личностное пространство, равно как и обратное – готовность, ожидаемость идеологического восприятия.

Дискурс идеологичности позволяет смещать акценты анализа на выявление роли и места иррациональной составляющей в специфической для нашего бывшего советского человека системе регуляторов поведения, понять, почему часто повседневность демонстрирует нам непонятные с позиции рационализма факты: «там хорошо, но мне туда не надо», подвиг, жертвенность, «особая русская душа».

Все это говорит об огромном когнитивном потенциале новых для российской социальной мысли подходов к анализу идеологической сферы. Однако было бы несправедливо в условиях сегодняшней повседневности не говорить о контексте направленности изучения идеологических процессов, продиктованном нашим не столь далеким прошлым.

Даже поверхностный количественный анализ работ, выполненных в этом направлении в 1960–1970-е годы, позволяет увидеть, что разработки этой темы были чрезвычайно популярными, публикуемыми и активно используемыми в практической пропагандистской деятельности тех лет.

Действительно, актуальность изучения вопросов идеологического производства, идеологической работы, идеологической борьбы, идеологического воспитания подрастающего поколения определялась прежде всего в практическом плане. Сотни работ, десятки авторов методично, скрупулезно разъясняли самым разным категориям граждан, в зависимости от уровня образования, как правильно надо «вносить в сознание трудящихся» идеи «самого правильного» философского учения. Активность и предзаданность такого научного поиска, объясняемая сегодня идеологизацией всех сфер общественной жизни, вызванной закономерностями функционирования тоталитарного и посттоталитарного политического режима, не могла не привести к естественному чувству идиосинкразии многих серьезных ученых к вопросам этого проблемного ряда.

Быть может, уместно сравнить этот исследовательский период советской социологии с развитием средневековой схоластики, когда бесконечное повторение одних и тех же заранее заданных теологических истин заставляло думающих философов искать отдушину, обращаясь к тщательной разработке категориального аппарата, логики философского анализа. Безусловным достижением на фоне гор пропагандистской литературы стал серьезнейший категориальный анализ идеологической сферы, осуществлявшийся немногочисленными, скажем прямо, учеными 1970–1980-х годов. Нельзя сегодня не отдать должное тем социологам-шестидесятникам, ставших к восьмидесятым опытными Учителями, которые в том потоке идеологического славословия помогали узреть серьезнейшие методологические основания для анализа идеологической сферы, оформившиеся в истматовских теориях общественных отношений, общественного сознания. Девяностые практически не привнесли ничего нового в исследовательскую базу идеологии, кроме обоснования необходимости деидеологизации.

Сейчас уже становятся видимыми различия в тенденциях отношения и к самой идеологии, и к необходимости ее изучения:

- разрушительная – преобладала в девяностые и характеризовалась разоблачением ужасов и негатива прежней идеологии и идеологической машины;

- потребительская – оформляется во второй половине девяностых, характеризуется требованиями, типа «дайте нам идеологию», «сильную руку». Представляет собой рудимент от марксистско-народнического типа в возвращающемся из истории русской социологии варианте «невыполненного долга» интеллигенции перед народом, осложненном сформированной в условиях монособъектности идеологического процесса привычкой присваивать вносимые КПСС мировоззренческие ценности. В новых условиях субъекты идеологических процессов еще не определяются. Складывается противоречие между либеральным содержанием провозглашаемых демократических ценностей, основанных на индивидуализме, и консервативным характером традиционных социальных регуляторов российского общества, базирующихся на коллективности социальных практик;

- романтическо-утопическая – конец девяностых. Для нее характерны некая эйфория коллективного сознания от возможности формирования полиидеологического пространства, неявное ожидание появления новой идеологии как результата интеграции осознания общих ценностей различными социальными группами, надежда на всеобщее согласие при появлении огромного числа партий с характерным абстрактным детским демократизмом в обосновании идеологических принципов. В реальности – либо чернопииаровская борьба, либо обоснование необходимости толерантности, но не интеграция, не взаимопроникновение идеологических позиций.

- когнитивная – стремление «узнать, понять, кто мы, куда идем, откуда взялись». Активная социальная саморефлексия с преобладанием негативных оценок в сравнении с другими системами, формирование всеобщего комплекса неполноценности на фоне разрушения общих социокультурных механизмов;

- абстрактно-аксиологическая – начало XXI века. Попытка преодоления идеологического кризиса через формирование новых ценностей, поиск истоков национальной идеи в различных вариантах – либеральной, консервативной, государственно-патриотической, гуманистической. Ориентация на успех, позитив, силу;

- инструментально-прагматическая тенденция диктуется ростом глобализации во внешнем мире. Осознается необходимость функционально эффективного государственного идеологического обеспечения при констатации в основном государственном документе невозможности ни одной из существующих идеологий быть государственной. В качестве возможных общих идеологий обозначаются, к примеру, идеология прав человека, государственно-патриотическая идеология. Смысл – поиск ценностей, универсальных как для России, так и для Запада. Определение критериев идеологии: глобальный характер, предполагающий стратегическое, обеспечивающее конкурентное партнерство с Западом, которое можно обеспечить лишь через содержательное определение ценностей, связанных с обеспечением прав человека.

Все эти позиции могут быть объединены одним общим основанием – профессиональным философско-социологическим поиском того, что должно бы уже быть, но чего (еще, пока, все еще, тем не менее) нет. Все они в этом смысле утопичны. Несмотря на всю рациональность, необходимость, потенциальность, это еще не ставшая, не осуществившаяся реальность. Следовательно, все характеристики, требования к идеологии – это требования скорее к проекту, к мыслительной конструкции, нежели к самой реальности.

Отсюда второе, что позволяет нам объединить их в одну группу – свойство долженствования. Термин «должен» стал настолько привычным, что даже перестал быть замечаемым, сделался автоматически присутствующим в структуре речи. Однако долженствование – это прежде всего отношение межсубъектное, а значит, требуется определить этих субъектов, систему координат их взаимодействия, степень их воздействия. Пока же абстрактность долженствования – преобладающая характеристика поиска национальной, государственной, общей идеологии, кажущаяся простота проблемы поиска субъекта. Кто будет идеологом: государство? В чьем лице? Кто возьмет на себя ответственность, да еще с необходимостью достижения общего позитивного результата в условиях сложившихся президентско-парламентских политических правил игры? Политическая олигархическая элита – не может, да и не хочет. Профессиональная интеллигенция – не заинтересована. Партийные лидеры – по определению должны быть в конфронтации. Пока позитивен лишь вывод о том, что в основе идеи должен быть общий интерес, оформляющийся в трансцендентности универсальных ценностей.

Абсолютно не сомневаясь в прогностической функции социологии, заметим необходимость дополнения анализа должного анализом сущего, который позволяет нам зафиксировать параллельный, во многом стихийный, но достаточно активно осуществляющийся процесс формирования субъектов идеологической деятельности. Приватизация собственности повлекла за собой соответствующие институциональные процессы. В результате – изменение социальной структуры общества, появление новых видов собственников, а значит, и новых способов выражения, защиты и реализации их частных интересов, преобладание частного характера реально функционирующих идеологий, формирующих определенную, специфическую, новую для российского общества систему ценностей.

Интересно отметить явный диссонанс рационально вычисляемого «идеологического должного» и феноменологически фиксируемого идеологического сущего: идеология прав человека – криминальная, террористическая; гуманистическая – потребительская; государственническая – корпоративизм с PR и политтехнологиями; либеральная – консервативная.

Социологическое изучение новых видов действующих идеологий еще только начинается, вот почему именно сейчас становится просто необходимым определиться с выбором теоретико-методологических оснований, определением исследовательских возможностей в идеологической сфере. Вполне резонно в связи с этим подвести содержательные итоги исследований советского периода, определить изжившее себя, вернуться к тому, что не потеряло своей эвристической значимости.

Прежде всего речь должна пойти о разработке теории идеологических отношений. Так, предметом для обсуждения был вопрос о сущности идеологических отношений, специфике идеологической деятельности. Вывод об объективном характере идеологических отношений, их особой материальности, выражающейся в институциональной и знаковой формах предметности, не потерял своей эвристической ценности и сегодня. Анализ знаково-символических форм и способов организации корпоративизма, потребительства, терроризма позволит выйти на анализ действительных ценностей, объективирующихся в реальном социальном взаимодействии.

Предметом серьезного изучения был процесс идеологического производства, осуществляемый на основе деятельностного подхода. Содержание идеологической деятельности рассматривалось в единстве социально-практического и духовно-практического аспектов. Внесение, привыкание, присвоение, интериоризация определенных ценностей невозможна без специфических способов организации жизни общества, соответствующих интересам господствующих субъектов. И сегодня эта методология вполне успешно используется в теории и практике организации деятельности по связям с общественностью.

Была детально проработана и охватывала практически все стороны и области жизни советских людей система целенаправленного идеологического воздействия, воспитания. И сегодня интересно было бы определить не только какие ценности, но и ценности каких именно социальных субъектов активно и сознательно формируются в воспитательном процессе, насколько и каким образом он идеологизирован.

Безусловным достижением советской социологической науки была детальная проработка системного подхода, применение его в качестве одного из методологических принципов анализа идеологических отношений. Был преодолен линейный подход к пониманию структуры идеологических отношений. Объемная структурная модель демонстрировала совокупность множественных связей между элементами системы, взаимовлияющими, взаимообосновывающими и взаимообуславливающими друг друга, исходя из трех уровней анализа – метасистемного, собственно системного и подсистемного. Эвристическая значимость этой модели состояла в том, что она позволяла фиксировать специфику системного качества каждой из подсистем, характеризовать единство и взаимозависимость системных и подсистемных качеств. Функционирование метасистемы идеологических отношений обеспечивает согласие, выражение и защиту общезначимых интересов, формирование и реализацию общих ценностей. Вот чем определяется необходимость выработки общегосударственной идеологии, отсюда и потребность в определении национальной идеи. Собственно системное качество обеспечивает реализацию групповых, корпоративных интересов в зависимости и во взаимовлиянии на метасистемное качество. И лишь подсистемное качество системы идеологических отношений реализуется в непосредственной инструментальной механике идеологии, опять же в зависимости и во взаимовлиянии с двумя первыми в целом и с каждым в особенности. В сегодняшней реальности проблема гармонии,

согласования интересов определенных социальных групп с общими интересами существовать не перестала. Применение именно такого подхода к анализу проблемы преступности позволяет понять бесперспективность многократного увеличения числа милиционеров и повышения уровня их оплаты вместо применения тех же мер в отношении работников культуры, учителей, организаторов работы с детьми и подростками.

Огромная работа была проделана в связи с анализом форм существования идеологии. Вывод о включенности идеологических компонентов в политику, экономику, религию, искусство (ибо только в форме текстов, фильмов, стихов, принципов функционирования государственной власти она и существует предметно, является обществом) не означает абсолютной тождественности. Полное их совпадение обозначает абсолютную степень идеологизации общества. Справедливо и обратное. Не свидетельствует ли о силе и действенности совершенно определенной по своему содержанию – криминальной – идеологии наличие следующих знаков: сообщения об усилении, укреплении материальной базы МВД; абсолютное преобладание криминально-детективной тематики на телевидении, в кино, в «чтиве»; факт бесконечного, завывающего тюремного шансона в любом автобусе или маршрутке, устраивающего абсолютное большинство пассажиров; популярность определенного типа прически, определяемой как молодежная мода; устойчивость сленговых выражений в языке вроде «жизни по закону и по понятиям»? Следует отметить, что в данном случае понятие идеологии отражает не просто систему тех или иных идей, а систему, в которой эти идеи формируются в процессе, организуемом субъектом, распространяются и усваиваются объектом идеологического воздействия.

Достаточно подробно были изучены функции идеологии и определены как то, что обеспечивает целостность общества, гармонию общих, частных и личностных интересов:

- через объединение людей, интеграцию общественно-политических и социальных образований на основе принятия универсальных идей и ценностей;
- через производство, формулирование и распространение ценностей, имеющих характер социальных норм;
- через обоснование гносеологических основ мировоззрения;
- через формирование поведенческих регуляторов, побуждающих к четко определенным действиям (или бездействию);
- через обоснование идеала, который носит нормативный характер, обозначение не просто того, что будет, а того, что должно быть в соответствии с определенными интересами.

Отсюда проблема: если эти функции необходимы для обеспечения целостности общества и реализуются в специфической деятельности социальных субъектов – идеологической деятельности, правомерна ли в принципе постановка вопроса о необходимости идеологии?

Было преодолено достаточно узкое понимание идеологического процесса как деятельности по внесению в сознание трудящихся правильной идеологии.

Идеологический процесс определялся как последовательная смена качественных состояний системы идеологических отношений, совокупность и последовательность действий субъектов идеологической деятельности для достижения определенных результатов, связанных с обеспечением их интересов.

Характеризовались различные типы идеологического процесса:

- по характеру деятельности (практический и теоретический);
- по направленности распространения (идеологизация, деидеологизация, реидеологизация);
- по содержанию отношений (идейный диалог, взаимообмен идеями, борьба идей и идеологий);
- по генезису возникновения идеологий (интеграция существующих идеологий, заимствование или эвристическое происхождение идеологий);
- по характеру взаимодействия идеологии и массового сознания (тотальная идеологизация или частный характер идеологического воздействия).

Наличие, взаимообусловленность данных типов, их соотношение рассматривались как важные составляющие стабилизационных или деструктивных показателей состояния общества.

Сложно сейчас сказать, насколько через «критику буржуазной социологии» были заимствованы элементы постмодернистских, неоструктуралистских идей, но и в истматовской теории присутствовал интерес к изучению форм предметности идеологических отношений. В какой-то мере преобладало увлечение институциональной проблематикой, однако нельзя отрицать и наличия разработок ученых, интересовавшихся знаково-символическим, семиотическим выражением идеологии. Этот интерес трансформировался прежде всего в изучение идеологии с точки зрения форм ее социально-психологического представления. Выявлено, что она отражает (выражает) внезаковую реальность и является средством социальной связи индивидов. Знаковые системы в силу своей природы переводят структуры общественного бытия (знаки, идеи, ценности и т. д.) в структурные компоненты индивидуального сознания. Именно в этом заключается и на этом основан эффект идеологического воздействия. Этот перевод и лежит в основе всех функций системы идеологии. В силу своего вероятно-аксиологического характера реализация идеологии предполагает возникновение личностно-смыслового отношения к ней (ее идеям, ценностям, нормам) со стороны воспринимающего субъекта. Здесь речь шла о специфическом процессе интериоризации идеологических представлений (образов, символов, знаков), который означает, что у личности устанавливается определенное (заданное) отношение к ним, которое на следующем этапе фиксируется в убеждения, веру, ценности. Система идеологии в рамках процесса интериоризации своих норм рассматривалась как определенная форма, посредством которой выражают себя внутренние (скрытые) отношения сложной системы общества (организации). При этом делался вывод, что идеология скрывает их фактический характер путем собственной их интерпретации. Как видимая форма действительных отношений идеология играет роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. Как

«превращенная форма» действительности она выполняет функцию «вытеснения, замещения и восполнения предметов в системе».

Пытаясь охватить в целом результаты и итоги изучения идеологических процессов в советской социальной теории, сегодня мы можем сказать, что при всем стремлении к методологическому единству, вследствие мельчайшей детализации проблемы, требований всесторонней и полной характеристики каждой детали существовало все же множество подходов и взглядов на определение сущности, места и роли идеологии от взаимодействующих до взаимоисключающих. Диалектика единства и борьбы противоположностей «ради достижения идеологического единства» требовала как минимум определения социального противоречия, зазора в системе знаний, а значит, не могла не оставить возможности для размышлений.

Интересно было бы посмотреть сегодня и на то, как сама ведущая идеология укладывалась в рамки, определяемые теорией идеологического процесса. В самом простом, первоначальном и традиционном, определении идеология предстает перед нами как ориентированная на действие и логически согласованная система идей, в ложной, мистифицированной форме выражающих интересы социальных групп общества (организации, коллектива, человека). Эта система по своей природе отражает определенный тип мышления и представления реальности, основанный на сознательном или неосознанном ее искажении (ценностная интерпретация реальности). В таком своем качестве идеология и была представлена политическим учением, социологической теорией, программой действий, глобальной стратегией, социальным прогнозом, нормативным кодексом и т. д.

Вместе с тем идеология была представлена как определенная система производства, распределения и потребления духовных продуктов, которая включала в себя систему идей, идеологические отношения моносубъекта по поводу создания и реализации элементов общей системы, деятельность идеологических институтов в процессе идеологического воздействия, а также объекта идеологического воздействия – человека (коллектив). В таком качестве идеология являлась элементом социально-психологической практики общества.

Отличительной, качественной особенностью идеологии является ее знаковый (семиотический) характер. В качестве мощной, хорошо продуманной знаковой системы идеология, в рамках процесса идеологического воздействия, осуществляла перевод структур общественного бытия (знаки, идеи, символы) в структурные компоненты индивидуального сознания (интериоризация идеологических представлений).

Наконец, идеология представляла собой в качестве основного элемента более общей властной системы инструмент (механизм) формирования и регулирования сознания и поведения своих адептов, фактически играла роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы.

Таким образом, на тот исторический момент времени потенциал известных и «разрешенных» познавательных парадигм был использован сполна, и совершенно очевидно, что долгое время за счет этого достигалось функциональное единство (без содержательных оценок) теории и практики. Практически на этом содер-

жательном рубеже и была сделана отечественной социологией пятнадцатилетняя остановка в исследовании идеологической сферы.

Следующий этап развития отечественной идеологической теории характеризуется двумя особенностями. Прежде всего, фактически осуществился отказ от марксистской методологии, а поскольку она была основной и практически единственной, то отказ и от самой идеологической проблематики стал автоматическим. Деидеологизация, определяя содержание не только отечественной социально-политической теории, но и практики, довольно надолго сама стала своеобразной идеологией. Сложилась ситуация, четко выраженная в метком и всем известном выражении, когда вместе с мутной идеологизированной водичкой из ванны выплеснули и ребенка. Даже произносить слово «идеология» одно время было как бы неприлично. Интересно, что именно в этот период самой распространенной фрейдистской оговоркой, охватившей все без исключения слои общества, стало это самое «как бы». Своеобразный оксюморон – перевертыш, свидетельство раздвоения, существования либо двух реальностей, либо «нереальной» реальности – формирования новых типов идеологии в усиленно пропагандируемом деидеологическом пространстве.

Вторая особенность этапа – обостренный интерес к опыту западных коллег, мощное накопление информации. Переводы, новые тексты, практически не осмысленные и не адаптированные относительно ментальной специфики сограждан, а следовательно, и другие, иногда диаметрально противоположные смыслы и ценности, что называется, с колес, но со все тем же огромным энтузиазмом и, что самое главное, на полном ходу давно раскошегаренной и разламывающейся идеологической машины по-прежнему стали вноситься во все то же пресловутое сознание трудящихся. Результаты не слишком радуют. Для кого-то такая доза идеологического антидота стала смертельной, кто-то быстро «перестроился», основная масса испытала очередной исторический ментально-психологический шок, в основе которого нарушение принципа идеологической релевантности.

Проблема социологического поиска состоит уже и в том, чтобы выяснить, что же на самом деле произошло с российским ментальным содержанием: что уже вымыто, вытеснено из структур общественного и личного сознания, что еще сохранено, что привнесено и как это все согласовывается, соотносится.

Должно было осуществиться совпадение элементарного количественного накопления знаний о новых (в Европе – старых) социологических исследовательских парадигмах, методологиях социологического анализа и накопления изменений самой социальной действительности, чтобы со всей очевидностью стало понятно: настало время возвращения интереса к изучению идеологической сферы. Она сама качественно изменилась. Для социологии это означает необходимость методологической ревизии и постановку вопроса об обоснованности отказа или продолжения использования проработанных ранее методологических оснований.

Думается, результаты системного, субъект-объектного, структурно-функционального анализа идеологической деятельности не потеряли и сегодня своей теоретической значимости, заложили основу методологической базы для широчайших

эмпирических исследований. Жаль, однако, что довольно часто серьезные ученые заявляют о финансово или политически ангажированном характере последних. Видимо, вопрос о том, чего в социологии идеологии больше – знаний или идеологии, относится не только к разряду профессионально-этических, но и риторически вечных.

Безусловно, речь при этом не идет о консервации, догматизации «старых» методологических оснований, о «борьбе с новыми веяниями». Совершенно очевидно, что сегодняшние знания теоретической и прикладной социологии могут позволить значительно расширить и круг проблем, и поле эмпирических исследований. Так, к примеру, предыдущие годы, безусловно, характеризовались существенным креном в сторону количественных исследований, позволявших зафиксировать определенные тенденции в формировании ценностных ориентаций, в формировании тех или иных социальных общностей. Современный рывок в развитии исследовательских методик, инструментальной базы и, прежде всего, качественных исследований может позволить зафиксировать совершенно другой уровень данных о функционировании идеологической сферы, выявить более тонкие корреляционные связи ее элементов, а следовательно, более четко определить ее системные качества.

Полипарадигмальные основания современной социологической науки могут позволить выполнить анализ, противоположный по содержанию с предыдущим этапом: если подробный анализ функционирования прежней господствовавшей идеологии позволял формировать теорию идеологического процесса, то теперь эта теория может стать основанием для определения специфики функционирования реальных идеологий, реальных субъектов и объектов идеологических процессов.

Так, применение теории социального действия и взаимодействия может дать основание для исследования типов целерациональности, соответствующих современной российской социокультурной системе, осуществить характеристику основных типов социальных регуляторов, дать анализ изменившихся и сохраненных и на институциональном, и на личностном уровне механизмов формирования мотивации деятельности. Без вывода о соответствии типов ценностно-рациональных систем ведущим типам реально функционирующих поведенческих регуляторов все общие рассуждения о преимуществах моделей новой российской идеологии могут повиснуть, остаться только лишь философскими рассуждениями.

Феноменологический анализ идеологических процессов, задающий исследовательское направление от явления к сущности, от факта, случая к интерпретации, абсолютно не противореча классической идеологической теории, позволит проверить, верифицировать ее выводы.

Методология символического интеракционизма может помочь детально описать социально-психологическую обусловленность и отчасти механизм осуществления субъективной интериоризации объективно формирующихся идеологических ценностей.

Социология повседневности предоставляет совершенно неподобные для фиксации и определения значимости идеологические акты, знаки, символы

в структуре жизненного мира индивида, позволяет тем самым характеризовать степень действенности идеологии. А это в качестве, быть может, бредовой идеи, но не совсем шутки может вывести на проблему создания некоего идеологического (на-рочно утрирую) контовского «социометра», подобно градуснику, способному через своеобразное «измерение» глубины проникновения господствующей идеологии в структуру личности сигнализировать об опасности очередной идеологизации.

Все вместе взятое способно обеспечить единство, придать целостность теоретического и эмпирического уровней социологического анализа идеологических процессов.

В качестве резюме. На протяжении двух столетий практически не ослабевал интерес к социально-философскому осмыслению идеологической сферы. Накоплена настолько серьезная методологическая и инструментальная база, которую было бы просто глупо (или безответственно?) не применить в анализе идеологических процессов современного российского общества. Это и опыт западной социологии, и опыт анализа этого опыта соотечественниками. Отрадно было бы думать о начале продолжения. Возможна ли замена союза «или», обозначенного в заголовке, союзом «и»?

А. В. Старшинова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Исторически системы социального обеспечения и социальной помощи в российском обществе развивались под воздействием идеологии, придавшей им форму патернализма. Несмотря на кардинальные преобразования, происходившие в XX столетии, патерналистская идеология не претерпела существенных изменений в советский период, не изменились и институты социальной защиты, поддерживаемые данной идеологией. Но последняя социальная трансформация на рубеже XX–XXI веков потребовала значительного усиления акцентов на самом индивиде и обеспечении его благосостояния, включая социальные группы и отдельных граждан, традиционно нуждающихся в помощи и поддержке со стороны государства и общества. Необходимость теоретического осмысления вызревания такой общественной потребности и условий ее реализации в отечественной практике определяет обращение к исследованию идеологии социальной работы, в которой человеческое достоинство, солидарность, демократия и право индивида на